

НЕОЖИДАННОЕ ЧУДО РУБЦОВА

Николай Рубцов естественен в русской классической поэзии. Он должен был появиться после почти полувековой пустоты в отечественной словесности. Нельзя сказать, что в столь долгий период не было ярких талантливых русских поэтов, тот же Николай Заболоцкий, Александр Твардовский, Александр Яшин... Но не было у них еще того вольного свободного русского поэтического дыхания, единого и для народа и для поэта, каким отличалась русская классическая поэзия. Впрочем, и рубцовское вольное дыхание вскоре оборвалось... Так не ко времени.

Не случайно его поэтический собрат Юрий Кузнецов в те же годы рождения «тихой лирики» писал такие горькие строчки:

Три поколения после Блока серы,
Соперника не родилось ему.
Кто искру даст славянскому уму?
На Западе нет вешего примера.
И сами не приходим ни к чему.

Очень верная мысль, не просто блестящую метафору, или неожиданный образ, а «искру славянскому уму» обязаны давать настоящие поэты. Несомненно, такая «искра» была высечена поэзией Николая Рубцова.

Для своего времени, начала шестидесятых, Николай Рубцов неожиданен и с трудом вписывается в поэзию своего поколения. Среди поэтов-шестидесятников периода «оттепели» он кажется неким классическим анахронизмом. Евтушенко и Ахмадулина, Вознесенский и Окуджава спешили вперегонки за своим временем, рвали старые корни и подсаживались на гидропонику всечеловеческих идей. Им искренне хотелось оторваться от своего народа, от его отсталых и дремучих догм. Противостоящие им по идеологии такие поэты, как Вла-

---

димир Фирсов, Феликс Чуев, Валентин Сорокин, утверждали свою гражданскую публицистическую позицию в советской поэзии. У шестидесятников, левых или правых, учились почти все молодые поэты, и вдруг кто-то посмел идти не в ногу.

Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чём-то вроде,
Потом верхом, потом пешком.
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!

Николай Рубцов подпитывался от животворных корней народной культуры и потому был более сокровенен, более невосприимчив к суете времени, вот потому его и «срезали под корень» так же, как раньше Сергея Есенина и Павла Васильева. Впрочем, зная себе цену как поэту, он, думаю, не догадывался о еще большей своей роли — хранителя Руси... Может быть, больше бы берег себя? Но сберег бы он тогда поэтическое чудо в себе? Когда я пишу о корневой народной основе в поэзии Николая Рубцова, я не имею в виду книжную фольклорность, стилизацию под народное творчество или старину. Этого у Рубцова нет вовсе. Скорее, речь идет о народном мелосе и о народном языке, о народной этике и мировоззрении, а уже из этих составляющих Николай Рубцов творил свою собственную — ни на кого не похожую — поэзию. То же самое и с влиянием русской классики, оно несомненно, как развитие традиций Тютчева, Есенина, Некрасова и Блока.

Я переписывать не стану
Из книги Тютчева и Фета,
Я даже слушать перестану
Того же Тютчева и Фета,
И я придумывать не стану
Себя особого, Рубцова...
.....
Но я у Тютчева и Фета
Проверю искреннее слово.
Чтоб книгу Тютчева и Фета
Продолжить книгою Рубцова!..

Может быть, та же тонкая чувствительность души, которая так ему вредила в жизни, в поэзии давала возможность видеть и чувствовать то, что не дано другим. Это слияние с чувствами народа в лучших его стихах было исчерпывающе полным. Интонация его слов совпадает

с интонацией народного лада. С интонацией народного ожидания чуда и счастья.

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Залремавший счастливо
Меж звериных дорог...
Там в избе деревянной.
Без претензий и льгот.
Так, без газа, без ванной.
Добрый Филя живет...

Он, пожалуй, первым заметил этого доброго Филю, русского крестьянина, на котором и держалась вся страна в войну и после войны, благодаря которому выстояла и великая Держава. Кстати, сам Николай Рубцов был уже другим, подпорченным и городом, и своими скитаниями, оставаясь лишь в своих лучших стихах и мечтах таким же добрым Филей. Жизнь с самого детства ломала его через колено: сиротство, детдом, нищета, тяжелая работа на флоте, одиночество, бродяжничество... И как он еще выдержал столько времени, как удержал в себе «русский огонек» и чувство «тихой родины», ту самую «искру славянского ума». Это уже его подвиг. Это же о себе, не о Есенине писал Рубцов в «Последней осени»:

Его увидев, люди ликовали,
Но он-то знал, как был он одинок.
Он оглядел собравшихся в подвале,
Хотел подняться, выйти... и не смог!

Николай Рубцов — мой земляк, родом из того русского Севера, который в эпоху крушения русской духовности в Средние века сумел стать удерживающим центром. Неслучайно именно русский Север породил еще одно уникальное явление культуры XX века — деревенскую прозу: от Федора Абрамова до Владимира Личутина. Север сохранил миру русский эпос. Может быть, потому его нынче держат в таком запустении, что боятся — вдруг какой-нибудь Илья Муромец вырвется из недорубленных северных лесов?!

Судьба Николая Рубцова — это и судьба русского Севера в XX веке. Сиротство, детдомовщина, отрыв от корней — на это в какой-то мере были обречены все русские люди XX века... Таким, как Николай Рубцов, досталось поболее всех. Сиротство никого не украшает. Не вина это, а большая беда, грусть неизлечимая. Окунувшись с детства в мир

зла, насилия, грубости, одиночества, трудно обрести стабильность и уравновешенность характера. Зло, неустроенность, жестокость, явленные в детстве, никогда не проходят даром. Могла бы помочь семья, любовь, женщина, но и этого, увы, не случилось. Бог не дал ему даже капли благополучной жизни...

Потому именно детдомовец Рубцов так обостренно описал в своих стихах тихие радости деревенского лада, что сам был их лишен, наблюдал за ним лишь из угрюмых окон деревенского приюта. Из той же детдомовщины — метания и неуравновешенность Виктора Астафьева, Владимира Максимова, Игоря Шкляревского... Оттуда же — неизбывная тоска по дому, по оседлости и в то же время неумение жить в доме, в оседлости, кочевое сознание, неустроенность души...

Спасибо, ветер! Твой слышу стон.
Как облегчает, как мучит он!
Спасибо, ветер! Я слышу, слышу!
Я сам покинул родную крышу!..

Валентин Распутин или Василий Белов — из кондовых русских крестьян — при всей видимой творческой близости воспринимают мир совсем по-иному, нежели вечный бродяжка Николай Рубцов.

Как же он ненавидел свою неустроенность, свою кочевую жизнь, отрицая своими светлыми лирическими стихами свое пьянство, и свой уют, и свое сиротство. Его жизнь, его поэзия — это и была одна непрерывная борьба с самим собой. Жаль, что в эту борьбу, вольно или невольно, примешивались чужие люди. Он, может, даже неосознанно бросил мощный вызов тем силам, которые обрекли его самого и его Россию на бездомность и бездумность.

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы...

Вся сегодняшняя Россия похожа на Колю Рубцова: в шарфике, в дражном пальтишке мечущегося в поисках своего угла. Вроде бы, обрел, нашел пристанище, кончилось великое кочевье... Жена, дом... Оказалось, подмена. Вместо жены — такая же кочевая и неухоженная женщина, вместо дома — квартира. Здесь и ждала его смерть жуткая, жестокая.

Неужели такая судьба ждет и Россию? Неужели эти «иновременные татары» сумеют расправиться со все еще Святой Русью? Пусть в

рубишах, пусть в корчах от насланных болезней, но непоколебимо святой, как был святым, высокодуховным, чистым и сам Николай Рубцов при всех своих сиротско-кочевных бродяжных, хмельных выходках. Благополучный синклит поэтов-сверстников не позволял себе таких порой диковатых рубцовских выходов, был более политкорректным, однако в годы перестройки легко уступил чужакам свою Родину, отказался от жертвенности.

Бог выбрал своего великого мученика — Николая Рубцова — и не ошибся. Кто из нынешних благополучных бросит в него камень?

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.
Тихо ответили жители, тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос...
.....
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Его «жгучая, смертная связь» с народным русским бытием пронизывает всю поэзию, облагораживает, героизирует, возвышает реальную жизнь всех русских Кать, Глебов, Лень и Сергеев. Сравните случай, произошедший с Николаем Рубцовым в ресторане «Поплавок», описанный реалистичнейше Виктором Астафьевым, и фиксацию его в прекрасном Рубцовском стихотворении «Вечерние стихи». И ведь высшая правда все-таки не в жестком реалистичном описании Астафьева, а в воспевании жизни и людей у Рубцова. Это как с Александром Пушкиным: одни любят читать «Я помню чудное мгновенье...», а других тянет дневниковая бытовая запись, касающаяся этой встречи. И все-таки «чудное мгновенье» определяет пока еще нашу жизнь.

Вникаю в мудрость древних изречений
О сложном смысле жизни на земле.
Я не боюсь осенних помрачений!
Я полюбил ненастный шум вечерний,
Огни в реке и Вологду во мгле...

Глубинная русская духовность, подземная Русь даже не отзывалась на все быстротекущие российские перевороты и была права. В этом ее победность, ее русская сущность. Сквозь сражения и поражения, сквозь космодромы и полигоны, участвуя во всем этом, она одновременно и царит над этим. Эта подземная национальная народная Русь прорастает сквозь все технические новации XX века, сквозь грязный быт земной жизни. Она подчиняет себе художника и заставляет его писать изначальную народную правду.

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя, что молчаливый?
— А о чем говорить?..

Совершенная и простая, напевная форма его стихов созвучна русской душе. Поэтому после Есенина он стал вторым в столетии таким же народным поэтом. При этом, что бы ни говорили многие критики, поэтом совершенно иным, непохожим на своего старшего собрата, также как непохожи и даже противостоят в чем-то друг другу его родная северная Русь, помнящая еще вечевого колокол Господина Великого Новгорода, и рязанская есенинская Русь, которую не обошли и татары, и московская суровая длань, и дикое крепостничество... Увы, лишь бытовые судьбы поэтов в чем-то трагически повторились. Николай Рубцов писал о своем старшем поэтическом собрате:

Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.

Эти строчки оказались пророческими и для него самого. Но жива и будет жить его неожиданная для нашего скомканного времени классическая поэзия. Неожиданное чудо Рубцова оказалось спасительным для всей русской культуры. Именно Николай Рубцов, живя в какой-то вологодской глухомани, в деревне Никольское, оказался своеобразным русским центром культуры, к которому тянулись, которого ценили и москвичи, и петербуржцы: и Владимир Соколов, и Станислав Куняев, и Вадим Кожинов, и Глеб Горбовский — люди, старше Николая Рубцова и по возрасту и по литературному опыту. Как писал Станислав Куняев:

Он выглядел
Как захудалый сын

Своих отцов...
Как самый младший.
Третий...
Но всё-таки звучал высокий смысл
В наборе слов его
И междометий...

Чудо — оно и приходит как чудо. В первых стихах моряка-североморца Николая Рубцова были удачные строчки («есть на Севере береза, / что стоит среди камней...»), среди стихов питерского рабочего иные уже надолго врезались в память («плыть, плыть, плыть / мимо могильных плит, / мимо церковных рам, / мимо семейных драм...» — несомненная переключка с ранним Бродским...).

В московском кружке Кожина и Куняева уже в начале шестидесятых годов обратили внимание на щуплого, но гордого студента Литературного института. Уже были написаны «Добрый Филя», «Виденья на холме» и «Осенняя песня». Но до поры до времени ничто не предвещало рождения нового русского классика. Прав был Глеб Горбовский, когда писал о раннем Рубцове питерского периода: «И голос Рубцова, еще не нашедшего своей корневой драматической темы Родины, России, темы жизни и смерти, любви и отчаянья, тогдашний голос Рубцова тонул в окружающих его голосах... Не секрет, что многие даже из общавшихся с Николаем узнали о нем как о большом поэте уже после смерти. Я не исключение... Мы расстались, но мы — рядом... Я протягиваю руку, и глаза касаются Рубцова, души его нежной, опаленной, но всегда — живой...»

И хотя считает Вадим Кожин, что московский круг поэтов где-то в 1962—1963 годах уже сформировал подлинно народного Рубцова, «дал возможность Николаю Рубцову быстро и решительно выбрать свой истинный путь в поэзии...», я думаю, что без окончательной деревенской Никольской огранки 1964 года мы бы не имели того классического поэта, который и сегодня серьезно влияет на русскую поэзию.

Тут уже не поэтическая школа, тут звучит родовая поэзия русского народа.

Взгляну на холм и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву...

Что поразительно, он на самом деле так наяву и видел картины и своей жизни, и прошлого и будущего времени, мистически предчув-

ствовал все, вплоть до своей смерти в крещенские морозы. Да и он ли это видел? Или дано было видеть свыше? Он лишь писал свои стихи, записывал данные ему свыше строчки.

Как отделить нам поэта Николая Рубцова от человека Николая Рубцова?

И когда появилось неожиданное для многих, даже его близких друзей, чудо рубцовой поэзии? Я думаю, в законченном виде всю полноту дара своего он ощутил в селе Никольском в 1964 году.

И пусть порой злилась на него теща, мол, нигде не работает, хоть бы за дочкой присматривал, по дому помогал, но это все шло мимо, мимо, а наяву — слияние с землей, с природой, с людьми, с той Русью, которая еще уцелела в его пору. Рождение той самой жгучей, смертной связи с родной землей.

Конечно, уже до 1964 года было написано немало шедевров, уже были и предчувствия и провидения, уже печатались подборки стихов в крупнейших столичных журналах, делавшие имя поэта знаменитым: в «Юности», в «Молодой гвардии», в «Октябре», стихи зазвучали по всесоюзному радио... Все это — 1964 год. И тут же — исключение из Литературного института, лишение московской прописки, практически вынужденное долгое, на мой взгляд — счастливое, пребывание в Никольском. Пребывание в некоей вынужденной добровольной ссылке, почти на содержании жены и тещи...

Но мало ли что случается с поэтами в неволе, в ссылке добровольной или вынужденной. Александр Пушкин писал гениальные строчки, высланный в Михайловское.

Вот и Николай Рубцов почти всю свою книгу «Звезда полей» написал, живя с Гетой и своей дочкой Леной на положении чуть ли не какого-то лежебоки-тунеядца в деревне Никольской, там окончательно сформировалось его поэтическое мировоззрение. Позже никакие загулы, никакие московские и вологодские угрюмые трущобные дни не могли выбить из него ощущение своего народного Рая, своей тихой родины, своего русского огонька.

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далёк,
За то, что с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле — и нет тебе покоя...

Читатель мечтательно задумается, вот бы и жить Николаю Рубцову всю дальнейшую жизнь до старости с женой и дочкой, и даже со сварливой тещей, в этом селе Никольском и писать замечательные стихи. Увы, но так в России не бывает. И винить некого. То, что для крестьян стихи — не труд, а баловство какое-то, можно было бы и пережить. Жили же на селе свои юродивые, свои плакальщицы, прожил бы и такой чудак, как Рубцов. Свыклись бы селяне, свыклась бы теща, свыклась бы семья, но только не он сам. Бежал и Пушкин из своего любимого Михайловского и Лев Толстой — из Ясной Поляны.

Взвалила бы на себя Гета всю тяжелейшую ношу жены такого поэта, сказать сейчас никто не возьмется. Не каждой дано отказаться от себя... Но с другой стороны, если забыть, что это поэт Рубцов, так ли отличалась его бытовая жизнь от жизни многих вологодских мужиков того времени? И хватало терпеливых женщин, выносящих побои и загулы. Может, и свыклась бы Гета, а там бы смирился и сам мужик... Но никак не мог смириться с вариантом подобной жизни поэт Николай Рубцов. Сам поэт внутренне, мистически осознав законченность своей поэтической выделки, пройдя в Никольском свои последние, столь необходимые ему для его поэзии «высшие университеты», уже рвался вон, наружу, в мир. Он писал свою «Прощальную песню»:

Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеется во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...
Не грусти! На знобящем причале
Парохода весною не жди!
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.
Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу...

Не смог. Его тянул большой мир, большие страсти. Если честно, то ему не только Вологда была нужна, но и сама Москва, где он появлялся регулярно, когда бывали деньги. Ему нужны были поэтические друзья, редакции журналов, творческие вечера. Ему нужен был весь мир...

Мне кажется, он сам рвался от своей добропорядочной Геты, так и не ставшей его законной женой, к чему-то иному, страстному, греш-

ному. Он же читал еще в рукописи поразившие его строчки Людмилы Дербиной:

О, так тебя я ненавижу!
И так безудержно люблю,
Что очень скоро (я предвижу)
Забавный номер отколю!
Когда-нибудь в пылу азарта
Взовьюсь я ведьмой из трубы
И перепутаю все карты
Твоей блистательной судьбы!

И все-таки что-то тянуло его к этой ведьме с ее явно «жутковатыми стихотворениями»? То же, что тянуло его иногда и в своих стихах к тьме, к бездне, к зияющей глубине, к знобящей тревоге. Все лучшее отдав «Успокоению» (так назвал Николай Рубцов составленный им самим сборник своих лучших стихов), он уже дальше жил с истонченной, измотанной душой.

Ты не знаешь, что ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду.
Чей-то злой настагающий топот
Всё мне слышится, словно в бреду...

Его последняя спутница и оказалась для него тем ожидаемым роковым огнем, тем «злым настагающим топотом». Нисколько не оправдывая ее, думаю: а не окажись этой ведьмицы на нужном месте, кто бы оказался другой? Он истинно жил моментами Рая, но он жил и моментами чудовишного бреда своей болезни.

Я сам однажды не так давно перенес такую бредовую страшную ночь, когда и подушка и одеяло казались колючими и режущими, когда постель представлялась режущей мясорубкой, когда все становилось чужим и пространство надвигалось на тебя, как тень ужаса. У меня это было связано с болезнью, с операцией, и спасся от этого бреда я только благодаря сильному снотворному. Может быть, и Николаю Рубцову нужны были в те тяжелые бредовые для него моменты сильнодействующие лекарства? Но кто бы ему дал их в те годы в Вологде? Даже в Москве такие лекарства не смогли отдалить гибель Владимира Высоцкого. Не перешел ли поэт уже свой смертельный край? Это ощущение смертельного края есть и в книге Николая Коняева о поэте, и в воспоминаниях его близких друзей, эти ощущения видны и в его поздних стихах:

Окно. Светящееся чуть.
И редкий звук с ночного омота.
Вот есть возможность отдохнуть.
Но как пустынна эта комната.
Мне странно, кажется, что я
Среди отжившего, минувшего...
Как бы в каюте корабля,
Бог весть когда и затонувшего.
Что не под этим ли окном,
Под запыленную картину
Меня навск затянет сном.
Как будто илом или тиною...

Поэт сам говорил, что, может быть, написал уже все свои лучшие стихи, что впереди его ждет тьма и безнадежность... Все более ухудшалось здоровье, усиливались сердечные боли. Надо было резко порывать с пьянством, лечиться. Я искренне жалею, что те вологодские писатели, которые пробовали отправить Рубцова на принудительное лечение, не довели свое дело до конца, а они могли бы дать поэту еще годы и годы жизни. Да и подруга непутевая, глядишь, ушла бы в сторону. Не случилось...

Поэт трагически погиб. В пьяной драке его убила несостоявшаяся жена Людмила Дербина. Год их полусовместной жизни был полон, скорее, не поэзией, а неким взаимным безумством и предчувствием гибели. Однажды поэт уже умирал — его спасли врачи, когда, разбивая окна в доме Дербиной, Рубцов порезал себе артерию и был на краю смерти, истекая кровью. Может быть, это было некое предупреждение? Знак свыше? Там, в больнице, Николай Рубцов написал печальное элегическое стихотворение «Под ветвями больничных берез»:

Под ветвями плакучих деревьев
В чистых окнах больничных палат
Выткан весь из пурпуровых перьев
Для кого-то последний закат...

.....
В светлый вечер под музыку Грига
В тихой роще больничных берез
Я бы умер, наверно, без крика,
Но не смог бы, наверно, без слёз...

В больнице его навещали и Виктор Астафьев, и Александр Романов, и другие вологодские писатели, они ощутили опасность момента в жизни поэта, были и разговоры о возможном будущем, о выходе из кризиса, о новых планах. Не получилось...

И дело, думаю, не только в своенравном и отпорном поведении Дербиной. Вообще, два поэта редко уживаются вместе. Ахматова ли с Гумилевым, Евтушенко ли с Ахмадулиной... Тут надо полностью жертвовать собой, как это сумела сделать жена Юрия Кузнецова — Батима. Но на такой подвиг жертвенности мало кто способен.

Второй выход — разойтись, разбежаться, пока не грянула беда. Не захотел или не смог ни тот, ни другая. Ведь писал же Николай Рубцов:

Я забыл, что такое любовь.
И под лунным над городом светом
Столько выпалил клятвенных слов,
Что мрачней, как вспомню об этом.
И однажды, прижатый к стене
Безобразьем, идущим по следу,
Одиноко я вскрикну во сне
И проснусь. И уйду, и уеду...

Не ушел и не уехал. Хотя и вскрикнул полузадушенный перед смертью: «Люда. Я тебя люблю!» Что было в этом крике? Страх перед смертью? Попытка остановить карающие руки? Мольба о прощении? В ответ лишь:

Слепые безумные пальцы
На певческом горле свести
Рванулась...

А дальше уже — «множественные царапины на горле», кладбище, памятник в Тотьме, улица в Вологде, всенародная любовь и память о Николае Михайловиче Рубцове. Людмилу Дербину ждала женская тюрьма, восемь лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима, почти полный срок отсидки, без льгот и снисхождений. Сначала ее посетит покаяние и смирение, потом пойдет нарастание уже непонятной безумной гордыни. Гордыни убийцы великого русского поэта. Был бы это мелкий алкоголик, погибший в случайной бытовой семейной драке, кому бы она была интересна. Отсидела и вышла, живи дальше. Немало таких женщин на Руси... Устроилась в Питере на работу, никто ее не беспокоил, не тревожил воспоминаниями о прошлом... Но никак не сидится спокойно. Годами ходит по друзьям поэта, по известным писателям, собирая клочки сострадания... к ней! Публикация воспоминаний об убитом с гром-

ким мелодраматическим названием «Все вешало нам грозную драму»... Книга стихов «Крушина»:

И будет мне вдвойне горька, гонимой,
Вся горечь одиночества, когда
Все так же ярко и неповторимо
Взойдет в ночи полей твоих звезда.

Какая-то зависть сквозит в ее нынешних стихах. Признается же сама, что не было бы ярко вспыхнувшей звезды Николая Рубцова, не было бы и ее горечи. Я не сторонник теории заговоров, умысленного убийства. Верю, что все могло закончиться в тот вечер иначе, что состоялась бы через несколько недель свадьба, могли бы вместе, как и собирались, поехать в Дубулты, но, рано или поздно, эта или подобная «грозная драма» произошла бы с тем или иным печальным результатом. Согласен, что 19 января 1971 года — роковая случайность. Но, оказалось, что с клеймом убийцы великого поэта жить неудобно, поэтому и родилась на наших глазах новая версия. Сначала у самой Людмилы Дербиной, затем, как всегда среди нашей интеллигенции нашлись и защитники, докопались и до известного питерского медэксперта. И вот мнение Юрия Молина и Александра Горшкова: «В данной ситуации перенапряжение, связанное с освобождением от рук нападавшей, и ее резкое отталкивание явились последним фактором, который мог вызвать развитие острой сердечной недостаточности, приведшей к смерти...»

Во-первых, это лишь мнение двух известных экспертов, основанное на чтении опубликованных документов, и не более.

Во-вторых, и это главное, юридических претензий к полностью отсидевшей свой срок Дербиной ни у кого нет. А вот моральные претензии к ней остаются уже навсегда те же самые, даже если Николай Рубцов не был задушен ее руками, а погиб от сердечного «перенапряжения, связанного с освобождением от рук нападавшей...», то есть от инфаркта, возникшего в стрессовой ситуации. Когда человек с больным сердцем гибнет от нападения на него, для близких нет разницы — ножом ли его зарезали, застрелили, или не выдержало сердце. И нападавшие для этих близких навсегда останутся убийцами. Скорее, Людмила Дербина могла бы сослаться на роковое предчувствие Николая Рубцова, мол, меня вела роковая судьба самого поэта, на его стихотворение:

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый...

Но не все поэтические предчувствия сбываются, и на Васильевском острове нет могилы Бродского, и Глеб Горбовский, к счастью, еще жив и радуется своих читателей, несмотря на свою раннюю могильную лирику. Да и могила самого Николая Рубцова пока еще не затоплена.

Повернулась бы судьба по-другому, может быть, и сейчас был бы жив поэт. Да и Дербиной не пришлось бы до конца жизни носить в себе самой это клеймо убийцы русского поэта. И потом, даже если Николай Рубцов и предчувствовал свою гибель, виновница остается виновной.

Иисус знал заранее, кто его предаст, неужели это оправдывает Иуду? Богу — Богово, а Иуде — иудино. Ей лишь остается жить в покаянии и надежде, что:

...чудный миг! Когда пред ней в смятенье
Я обнажу души своей позор,
Твоя звезда пошлет мне не презренье,
А состраданья молчаливый взор...

Остается ей надеяться на неземную доброту Николая Рубцова. Ту доброту, которой живут его лучшие классические стихи, без которой невозможна и его собственная жизнь. Все остальное — лишь порча его поэзии, его неожиданного драгоценного дара. В центре его поэзии и жизни, несмываемо и нестираемо — всегда царит доброта. Потому он и нужен всем людям...

Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.
Пусть она
Останется чиста
До конца.
До смертного креста!

